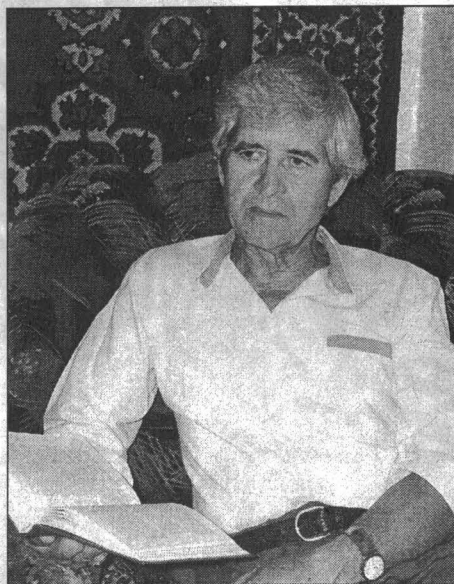

ПЕРЕВОДЫ

«Слово о полку Игореве» всегда притягивало поэтов, исследователей, читателей. Таким центром притяжения «Слово...» остается и сегодня. Его читают, о нём пишут, его в тысячный раз переводят. В том числе и у нас в Кузбассе. Свою версию «Слова...» предложил редакции журнала «Огни Кузбасса» живущий в Белове поэт, член Союза писателей России Александр Курицын. Шахтер, знающий цену подземного труда и пишущий о нем, он знает и цену литературного труда. Сегодня, когда ему не приходится спускаться в шахту, он поднимается к вершинам «Слова...». В переводе Курицына есть разные места — и очень сильные, яркие, и не очень. Мы не выделяем ни те, ни другие. Пусть это сделает читатель. И пусть он удивится смелости беловского шахтера и российского поэта Александра Курицына, дерзнувшего по-своему перевести «Слово о полку Игореве».

Иосиф КУРАЛОВ

69

Александр КУРИЦЫН

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Стихотворная версия)

Видно, братья, время нам настало
Новой песне положить начало
О деяньях времени сего.
Это будет повесть горькой славы
Игоря, потомка Святослава,
Песнь о павшем воинстве его.
И споем мы о походе славном
Не по замышлению Бояна.
Если б эту песню он сложил,
Белкой бы по деревьям метался,
Серым волком по оврагам крался,
В облаках орлом бы он кружил.
Вспоминал в своих былинах он
Войны старых дедовских времен.

По его желанию взлетают
Над летящей лебединой стаей
Десять быстрокрылых соколов,
И каких лебедок настигают,
Те и песню славы запевают,
Вяжут кружева хвалебных слов
Мудрецу седому Ярославу,

Удалому храбрецу Мстиславу,
Что Редюю в схватке одолел
Перед всей его касожской ратью,
И Роману, красотой и статью
Славному по всей родной земле.
Но Боян не соколов пускает
Вслед за белой лебединой стаей,
А персты волшебные свои
На живые струны воскладает.
Струны доблесть князьсю воспевают,
Их пиры, охоты и бои.

Так начнем же, братья, наше «Слово»
От времен Владимира былого
До печальных Игоревых дней,
Когда ум свой силою скрепил он,
Когда сердце мужеством острил он,
Ратным духом воспылал сильней.
За обиды русичей и раны
На границы половцев поганых
Двинулся с дружиною своей.

И взглянул князь Игорь на Светило
Видит он, что войско мглою прикрыло,
Но упрям и дерзок княжсий взор.

Беззубов Степа. ДХШ № 22, г. Белово

«Братья! — молвил князь своей дружине, —
 Грозный час для нас приходит ныне.
 Страх для русских воинов — позор.
 Лучше лечь костями во чистом поле,
 Чем греть оковами в неволе.
 Сядем, братья, на борзых коней,
 Да преломим в Половецком поле
 Копья наши острые, на воле
 Позвеним мечами по броне.
 Иль из Дона шлемами напьемся,
 Либо с поля брани не вернемся,
 Все погибнем в дальней стороне».

Княжий разум уступил желанию,
 И презрел он предзнаменованье.

О, Боян, певец времен старинных!
 Ты б воспел походы те в былинах,
 Скача по древу мысли соловьем
 И умом в подоблачье взлетая,
 Славу сих времен соединяя
 С песнею о времени своем,
 Рыца волком по тропе Трояна*

В горы через кущи и поляны.
 Вот такой бы эта песнь была.
 Внуку бы Велеса* так пристало
 Этой песне положить начало:
 «Соколов не буря занесла
 Через степь широкую к затонам —
 Стаи галочки слетелись к Дону,
 Словно туча черная пришла».
 Или спеть вот так бы изначально
 Эту повесть вещему Бояну,
 Когда князья рать в походы шла:
 «Только за Сулой заржали кони —
 Славу в стольном Киеве трезвонят».
 Трубы в Новгороде трубят —
 А в Путивле стяги уж стоят.

Игорь Всеволода ждет, родного брата,
 Вместе в бой идти на супостата.
 Брату буй тур Всеволод сказал:
 «Мы с тобою дети Святослава.
 Вместе сгинем иль добудем славы.
 (Так бы нам отец наш наказал),
 Так седлай же, брат, коней ретивых,
 А мои под Курском терпеливо
 Ждать меня под седлами должны.
 И мои полки готовы к брани.
 Опытные воины — куряне
 В реве труб военных рождены,
 Всех их под шеломами взрастили,
 С острия копейного вскормили,
 Им ни зной, ни холод не страшны,
 Им знакомы все пути-дороги,
 Ведомы овраги и отроги,
 Луки как всегда напряжены,
 И полны колчаны стрел каленых,
 Блещут жала сабель изостренных.
 Скучно им без битвы, без войны.
 Серыми волками в поле рыщут,
 Себе чести, князю Славы ищут»

Вступил князь Игорь в стремя золотое,
 Поехал в поле дикое, пустое.
 Но вдруг на поле мрак ночной упал,
 А солнце тьмой дорогу заступило
 И ночь стенаньем гроз птиц пробудила,
 Во мраке свист звериный нарастал.
 Див* на вершине дерева забился,
 А клик его по полю раскатился
 И до краев неизвестных достал.
 И слышно стало Волге и Посулюю,
 И Сурожу, Поморью и Корсуню,
 Тебе, Тмутараканский истукан*.

А половцы обозами и конно
 Стекаются по бездорожью к Дону,
 И мнится, что во тьме вся степь идет,
 Переполняя ночь тележным скрипом,
 Как стая лебедей тревожным криком.

А Игорь к Дону воинов ведет.

Его несчастий птицы ездут в околке,
 И злобным воем по оврагам волки
 Грозы грядущей поднимают гром,
 Орлы на кости уж зверей скликают,
 На красные щиты лисицы лают...

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Ночь меркнет. Уж заря свет уронила,
 Предупренняя мгла поля покрыла,
 Уснули соловьи в ветвях дубов.
 Крик галок над равниной пробудился,
 И строй дружины русичей открылся.
 Стеной червлёных боевых щитов
 Закрыли степь налево и направо,
 Себе искали чести, князю — славы.

И в пятницу на берегу реки
 Сошлись в жестокой сече утром рано
 И потоптали половцев поганых,
 Побили их несчетные полки
 И разлетелись стрелами по полю,
 Помчали красных девушек в неволю,
 Везли золототканые платки,
 А с ними дорогие оксамиты,*
 И златом торока уже набиты,
 Ковры стелили в тонкие места,
 Плащами, покрывалами гатили,
 В болотах путь попонами мостили.
 А белая хоругвь, червлёный стяг,
 Да пика в серебре, бунчук кровавый
 Для Игоря, для сына Святослава.

Дремлет храброе гнездо Олега
 В чистом поле у речного берега.
 Далеко судьбой занесено,
 Но никто ему не поперечит,
 И ни гордый сокол, и ни криклет.
 Не простит былых обид оно
 И тебе, вражина окаянный,
 Черный ворон, половец поганый!
 Не за тем на свет порождено.

Но Гзак уже голодным волком рыщет,
 И хан Кончак добычу в поле ищет.

Логунов Артем. ДХШ. № 22, г. Белово

И только тьма ночная отступила,
 Заря рассвет кровавый возвестила.
 А с моря тучи черные идут,
 Собой четыре солнца закрывают,
 В них синим блеском молнии сверкают,
 С грозой грома великие грядут.
 Дождям тут с Дона стрелами излиться,
 В жестокой битве копьём преломиться
 И затупиться дедовским мечам,
 Круша железо шлемов половецких
 Здесь, на Каяле, во степях Донецких.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

А внуки Стрибоговы* веют, гонят тучи.
 Несут от Дона стаи стрел колючих
 На Игоревы храбрые полки.
 Земля гудит, и реки замутились,
 Клубами пыли уж поля покрылись,
 Вещают стяги: «Половцы близки!»
 От моря и от Дона подступили,
 Со всех сторон стеною обступили
 Несметной силой русские полки.
 И вой бесовский взвился над полями.

Но русичи червлеными щитами
Загородили поле у реки.

О, яр тур Всеволод, ты только битвы ищешь.
Ты стрелами во вражье войско прищешь.
Гремит о шлемы верный твой булат.
Куда поскачешь, тур, златым сверкая шлемом,
Кругом, посечены твоим мечом каленым,
Тела поганых половцев лежат.
А в битвах ты усталости не знаешь,
Ты саблей шлем аварский рассекаешь.
Опасность для тебя, как звук пустой.
Боишься ль ран, кто смерти не страшится,
От почестей способный отрешиться,
Забуть Чернигов, отчий стол златой,
Забавы, ласки Глебовны прекрасной,
Любимый взгляд ее и голос ясный,
И смеха колокольчик золотой?

Века Трояна, годы Ярослава,
Дела Олега, сына Святослава,
Давно минули, в прошлое ушли.
Олег тогда мечом ковал крамолу,
Копьем тянулся к отчему престолу,
Слал стрелы до Черниговской земли.
Знал давний Ярослав — в Тмутаракани
Олег готов к междоусобной брани.
В Чернигове же уши затыкал,
Владимир, внук, названный Мономахом.
Он распрей не хотел и не искал.

Хвальба ж Бориса, сына Вячеслава,
Несла ему погибель, а не славу,
И покрывало скорби постлала
На поле брани князю молодому
За храбрость, верность долгу боевому,
За помыслы Олега и дела.
Тогда и Святополк с реки Каялы
Велел отца родного в покрывале
Меж двух коней венгерских привезти
За сотни верст в его родимый Киев,
Где прах его у стен Святой Софии
Покой бы мог навеки обрести.

Олег же Гориславич в свое время
Усобицы посеял злое семя.
Ростки крамолы буйно проросли.
Дажьдбожьих внуков* гибло достоянье,
И княжеские противостоянья

Погибель люду русскому несли.
Над Русью редко слышен крик ратая,
Но стаи воронья с истошным граем
Людские трупы делят меж собой.
И галки в небесах друг друга кличут,
Предчувствуя обильную добычу,
Летят туда, где, что ни день, то бой.

Да, были прежде рати и походы,
Но о таком не слышали народы.
Сжимались в страхе робкие сердца.
Рассвет заря вечерняя сменила,
И снова встало над землей Светило,
А лютой сече не видать конца.
Летят калены стрелы хищной стаей,
Клинки о шлемы искры высекают
В безвестном поле на краю земли,
Где кости даже в землю не зарыты,
Обильно кровью русскою политы,
Но горем по Руси они взошли.

72

Шум, звон летит до зорьки из долины.
Отрезан Игорь от своей дружины.
И брату не помочь, не поддержать.
Два долгих дня кипел тот бой ужасный.
На третий день к полудню стало ясно,
Что силы половецкой не сдержать.
Знамена войска Игорева пали.
Расстались братья на реке Каяле,
Где все вином кровавым опились.
Здесь русичи свой пир отпировали.
Сватам по-русски щедро наливали,
И здесь за Русь и сами полегли.
От жалости окрест поникли травы,
И дерева, увидев пир кровавый,
Склоняются от горя до земли.

Настало, братья, тягостное время,
Над русской силою пустыни бремя.
Обида* встала в княжеских войсках,
В Трояних землях девою ступала,
Крылами лебедиными всплескала
В низовьях Дона на морских песках,
И времена обилия смахнула,
Борьба князей с погаными уснула,
А брату брат сказал: «Здесь все мое!»
Уж малое великим называли
И не с врагом, друг с другом воевали,
На Русь враги слетались вороньем,
По Русским землям шли под гром Победы

Ползли за ними вслед и смерть, и беды.
Былая слава поросла быльем.

Птиц в небе избивая, гордый сокол
В чужие земли залетел далеко.
Но храброго полка не воскресить!
По нем тоскливо Карна* прокричала,
По Русским землям Желя* проскакала,
И жертвенных огней не погасить.
А по Руси заголосили вдовы,
Своих любимых не дождавшись дома.
И мыслями не смыслить их уже,
Не сдумать думой, не увидеть глазом
И злата не потрогать уж ни разу.

И застонал от горя Киев, братья,
И почернел Чернигов от напастей,
По Русским землям разлилась тоска.
Катилась по Руси река печали.
Князя крамолу на себя ковали.
Пришла надолго смутная пора.

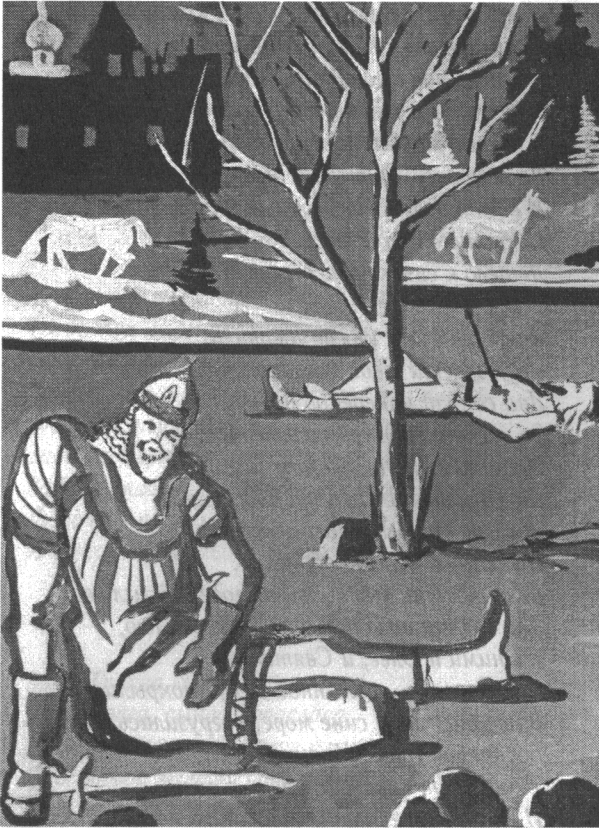
Поганые же орды Русь топтали,
В полон несчастных русичей хватали
И брали дань по беле* со двора.
То Святославичи злу отворили двери
И самовольством разбудили зверя,
Которого уж было усмирил
Отец их, Святослав, когда клинками
Прибив поганых, грозными полками
На землю Половецкую вступил.
Он притоптал овраги и высоты,
Он иссушил потоки и болота,
Их реки и озера замутил.
Поганого Кобяка молодецки
Из тьмы железных ратей Половецких
Исторг, и в Киеве Кобяк тот пал
Во гробнице у князя Святослава.
И иноземцы пели князю Славу,
А Игоря корили за поход,
Что притопил он в Половецких водах
Руси богатство и свою свободу,
Просыпал злато русское в поток.
В седло златое Игорь князь садился,
Из-за гордыни в рабском очутился.
Уныние на городских стенах.
Никто уже не пел, не веселился,
А Святославу смутный сон приснился
В глухую ночь на Киевских горах:

«Мне с горем синее вино мешали
И черным покрывалом накрывали,
На тисовую положив кровать,

И крупный жемчуг из пустых колчанов
Ночные тени степняков поганых
На лоно мое стали насыпать,
Как будто в путь последний обряжали.
А из-под матки доски выпадали
Во златоверхом тереме моем.
И всю-то ночь тревожный грай вороний
Не затихал на Плесенской болони.*
Летело к синю морю воронье».

В ответ бояре князю говорили:
«То горести твой ум заполнили.
Два сокола наперекор пошли.
За легкою добычей полетели,
Испить из Дона шлемом захотели,
Да Половцы им крылья подсекли,
Железны путы соколам надели,
На долгую неволю обрекли».
День третий был покрыт зловещей мглой.
Два солнца враз померкли над землей,
А с ними и Олег, и Святослав —
Два месяца — туманной мглой покрылись,
В печаль, как в сине море, погрузились.
Воспряли гунны*. Грянула беда.
Тьма Свет покрыла у реки Каялы,
И выводком гепардов поскакала
По Русским землям половцев орда
Див бросился на землю, сея горе,
И красны девы готские у моря
Запели, русским золотом звеня,
А в песнях время Буса* воспевают,
За Шарухана* к мести призывают.
А нам уже не видеть света дня.
Великий Святослав изрек сурово,
Кропя слезами золотое слово:

«О Всеволод и Игорь, из-за вас
На Русь пришла беда, и я в печали.
Вы рано стали зло творить мечами,
На половцев пошли в недобрый час.
Добыть вы славы воинской хотели,
И половцев бесславно одолели,
Пролив их кровь поганую волной.
Сердца у вас из крепкого булата,
Закованы они в стальные латы...
Что сделали с моей вы сединой?!
Не вижу власти праведной и славы
У сильного войсками Ярослава
С князьками и боярами его,
Нет воевод, татранов и шельберов,
Топчаков, и ревугов, и ольберов...*
Где все они? Нет рядом никого.
Те без щитов, лишь кликом побеждали,

Рыбакова Оля. ДХІІІ № 22, г. Белово

Шли в битву с засапожными ножами,
Звенели славою прадедов своих.
Но вы решили: «Победим и сами,
Добудем славу новую мечами,
И прошлую поделим на двоих».

Помолодел старик — чему дивиться?
Линявший сокол бьет высоко птицу,
Не даст в обиду своего гнезда.
Но вот беда — нет от князей подмоги,
Худые времена — разор, тревоги.
У Римова кочевников орда,
Владимир Глебович пробит копьем поганых,
Страдает князь. Сочатся кровью раны».

Не мыслию тебе бы прилететь
Издалека, князь Всеволод великий,
Стол отчий побережь от полчищ диких.
Тебе лишь стоит только захотеть,
Расплещешь даже Волгу ты веслами,
Из Дона воду выльешь шеломами.
А если б, князь великий, здесь ты был,
Рабьны бы по ногате* продавали,
А за раба по резане* давали —
Вот так бы были дешевы рабы!

Ты, Всеволод, и посуху стреляешь
И, словно шерешеры*, направляешь
Ты храбрых Глебовых сынов в огонь борьбы.

Ты, Рюрик и Давид, не ваши ль вои
В крови по самы шлемы шли из боя?
А ранеными турами рычит
В бою не ваша ль храбрая дружина,
Сражаясь средь незнакомой равнины,
Где кровью обагрятся мечи?

Князья, в златые стремени вступите
И половцам дорогу заступите
Вы за обиду времени сего:
За нашу Русь идите в бой кровавый,
За Игоря, за сына Святослава,
За раны незажившие его.

Осмомысл Ярослав, Галицкий сокол!
Сидишь ты крепко на холме высоком
На троне златокованом своем,
Вершин Венгерских гор седые камни
Подпер ты, князь, железными полками,
Дорогу перекрыл пред королем,
Ворота затворив реке Дунаю,
И тяжести за облака кидая,
И снаряжая на Дунай суда.
От гроз твоих идет по землям рокот.
Ты отворяешь Киева ворота
И с золотого отчего стола
Стреляешь в иноземного султана.
Стреляй же, княже, в половцев поганых
И в Кончака, поганого раба,
За Русь родную встань на бой кровавый,
За Игоря, за сына Святослава,
Поганым гуннам головы срубай.

А ты, Роман, князь храбрый, со Мстиславом!
Известны ваши подвиги и слава.
Как храбрый сокол, на ветрах паря,
Сбиваешь птицу в вышине небесной.
И храбрость ваших воинов известна.
В латинских шлемах, серебром горя,
Гремят железом лат на поле бранном.
Дрожат от страха гунн в далеких странах,
И деремел с ятвигом, и литвин.*
А половцы и копыя обронили,
И головы покорные склонили
Под сабли ваших княжеских дружин.

Для Игоря же меркнет солнца свет.
Деревья не к добру листву сронили.
По Роси, Суле земли поделили...

А Игоревы войска больше нет!
Дон, князь, тебя на битву призывает,
Князей победу добывать скликает.
Лишь Ольговичи в бой смогли dospеть.

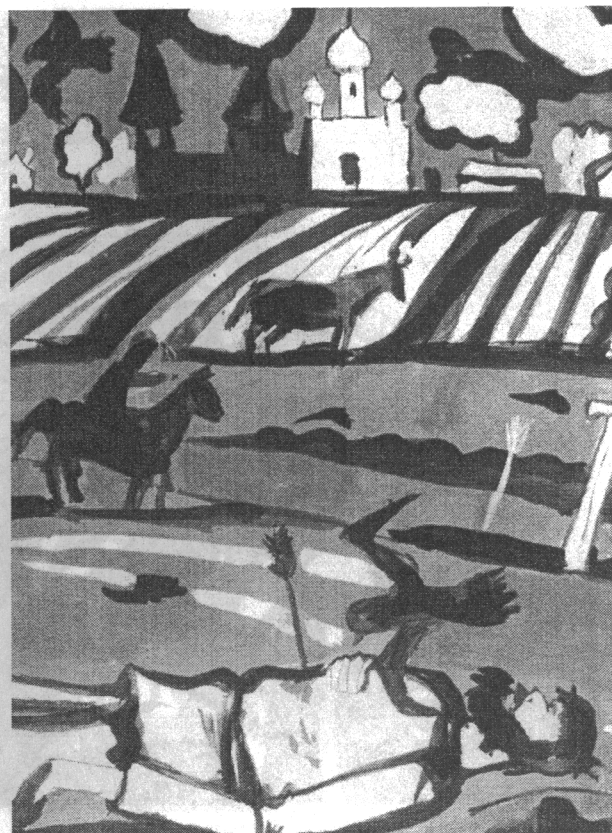
Ингварь и Всеволод, все сыновья Мстислава!
Владенья получили вы по праву.
Не из худого соколы гнезда.
Зачем же ваши золотые шлемы,
И копыта польские, щиты червлены?
Врата закройте полю навсегда.
Вставайте же за Русь на бой кровавый
За Игоря, за сына Святослава.
Доколь ему от тяжких ран страдать?

Сула Переяславию не защита,
Двину взмутили конницы копыта,
И клик поганых к Полоцку летел.
Лишь Изяслав Василькович во поле
По латам и щитам литовским вволю
Булатными мечами позвенел,
Прибавил славы деду он Всеволоду,
И в жаркой сече на траве кровавой
Под боевым щитом червленым пал.
Литовскими мечами посеченный,
Со смертью навеки обрученный,
Он горькие слова себе сказал:
«Дружину твою крылья птиц одели,
И кровь из ран уже слизали звери,
Но не пришел никто в бою помочь.
Брат Брячислав не торопился в сечу,
И Всеволод был от нее далече».
Смежила очи Изяслава ночь.
Жемчужная душа, покинув тело,
Сквозь злато ожерелье улетела,
Лебедкой белой скрылась в вышине.
И люди про веселие забыли,
Их голоса и песни приуныли,
Трубят печально трубы в Городне.

Вы, Ярослава и Всеслава внуки!
Сверните стяги, опустите луки,
Вложите в ножны острые клинки!
Вы дедовскую славу уронили,
Враждой своей поганых приманили,
Русь разодрав на мелкие клочки.

Крамолою своей на пир кровавый,
На землю Русскую с богатствами Всеслава
Впустили половецкие полки.

Когда же век шестой Троянов минул,
Всеслав о милой деве жребий кинул,
Он хитростью оперся о коней,

75

Рыбакова Оля. ДХШ № 22, г. Белово

Скакнувши к граду Киеву из схрона,
Коснулся древком золотого трона,
Но власть не удержав, расстался с ней.
Из Белгорода в полночь прынул волком,
В туманной мгле прокрался по околкам
И в три удара счастье добыл,
Ворота Новгородские разрушив,
С Дудуток до Немиги доскочил.

На Немиге стелют головы снопами,
Молотьба идет булатными цепями,
На том току кровавом жизнь кладут.
Не зерна, а от тела душу веют,
И не добро там у Немиги сеют,
Посев костями русскими ведут.

При Веславе суд стал княжским делом —
Сам судил. Князьям дарил наделы.
Ночью волком по лесам скакал.
От Киева к самой Тмутаракани
Успевал дорыскать с петухами,
Даже Хорсу путь пересекал.
Из Полоцка летел к Всеволоду в Киев
Звон колокольный от святой Софии,

Кудашкина Аня. ДХШ № 22, г. Белово

Князь каждым утром этот звон слышал.
Ходили слухи (может, в самом деле),
Что вещая душа в могучем теле,
Однако часто он от бед страдал.
«Хоть ты умен, по птице ты гадаешь,
В свой час на суд Господень попадаешь»,
Боян разумный так ему сказал.

А на Руси слышны одни стенанья.
Живут лишь прошлых лет воспоминанья,
Князей великих живы имена.

На Киевских горах Владимир старый
Навек бы стяг свой княжеский поставил.
Но смутные настали времена.
Теперь уж стяги Рюриковы встали,
Давыдовы же им врагами стали.

На Русских землях властвует война.

Слышно на Дунай-реке широкой,
Как кричит кукушкой одинокой
Ярославна рано поутру:
«По Дунаю полечу кукушкой,
Рукава шелковые с опушкой

Я в реке Каяле омочу.
Князя отыщу на поле бранном,
На груди его омою раны
И слезой горячей залечу.

Ветер! Ты зачем навстречу веешь,
Стрелы гуннов на милого сеешь,
На дружину храбрую его?
Мало ль тебе веять на просторе,
Корабли качать на синем море?
Гневаясь на князя моего,
Ты тоску в моей душе посеял,
И веселье по степи развеял.
Как мне жить без Лады своего?»

Кличет Ярославна: «Днепр Словутич!
Ты прошел сквозь каменные кручи,
Земли Половецкие пробил,
Ты принес, минуя все преграды,
Святослава быстрые насады
К полю, где Кобяк свой стан разбил.
Пожалей же слез моих, Словутич!
Ладу принеси в руках могучих,
Той верни, кого он так любил!»

На стене в Путивле утром рано
Горлицею плачет Ярославна:
«Солнце трижды светлое мое!

Ты зачем, прекрасное Светило,
Жар лучей горячих напустило
На дружину Лады моего?
Жаждою ты луки им погнуло,
Горем ты колчаны им заткнуло
На безводном поле. Для чего?»

Разыгралось к полуночи море.
Смерчи в небе с черной тучей спорят.
Видно, Бог указывает путь
Игорю от половцев поганых,
На родные Русские поляны,
Чтоб на отчий стол его вернуть.

Ночь приходит, угасают зори,
Игорь-князь не спит и сон свой борет,
Мысленно проделывает путь,
Путь из плена, от низовьев Дона
На Донец, где русские кордоны.
Ради воли следует рискнуть.

За рекой Овлур коней седлает,
В полночь свистом князя вызывает.
Игорю уже не быть в плену!

По земле копыта застучали,
Зашумели травы, закачались.
Половцам уж князя не вернуть.

К тростникам князь горностаем мчится,
Гоголем он на воду садится.
На коня горячего вскочил,
Соскочил с него бесовским волком
И к Дону помчался по околкам.
Князь по небу соколом летит
Лебедей и уток избивает,
Дичь себе к обеду добывает.
Загнанные кони не несут.
Игорь в небо соколом поднялся,
Волком вслед за ним Овлур помчался,
Сбив с травы студеную росу.

Игоря Донец добром встречает:
«Русь тебя, князь Игорь, величает,
Шлет проклятья хану Кончаку.
На Руси веселье, праздник светел».

Игорь так реке Дону ответил:
«О Донец! Великая река!

На волнах своих меня качаешь
И травой зеленой устилаешь
Мне посеребренны берега,
В теплые туманы одеваешь

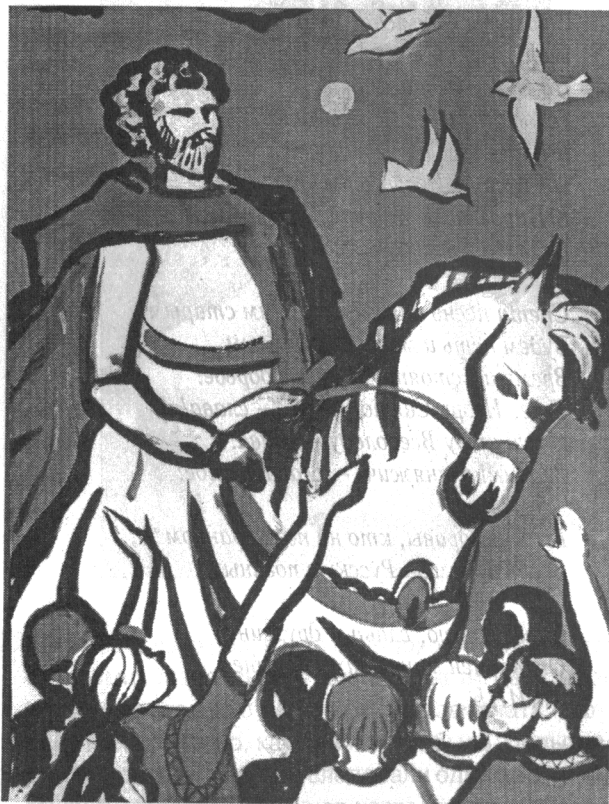
И в тени деревьев укрываешь,
Стережешь, как гоголь, на волнах,
Чайкою хранишь на струях водных,
Чернядями на ветрах свободных».

Но не такова река Стугна:

Не имея быстрых струй широких,
Поглотила все ручьи, потоки,
По низовью разлилась она,
Ростислава у Днепра накрыла,
Путь-дорогу к дому перекрыла.
Плачет мать о нем, грустит одна.
А цветы от жалости закрылись
И к земле деревья приклонились.

Не сорочий стрекот по лесам,
Рыская по Игореву следу,
Гзак и хан Кончак в погоню едут.
Вороны не граяли тогда,
Даже стаи галочки молчали,
По лесам сороки не кричали,
Поползни скакали, как всегда.
Князю соловьи рассвет вещали,
Звонко дятлы впереди стучали —
Значит, где-то впереди вода.

77

Созыкина Катя, ДХШ № 22, г. Белово

Гзак сказал: «Коль сокола не словим,
Соколенку гибель уготовим —
Стрелами златыми поразим».

Гзаку Кончак на это отвечает:
«Коль к гнездовью сокол улетает,
Нет нужды и нам лететь за ним».

Сети мы Соколичу расставим,
Половчанку в жены взять заставим
И навеки сделаем своим».
Только Гзаку совсем иное мнится:
«Не связать Соколича девицей,
Не захочет он в неволе быть,
Вместе с нею улетит на волю.
И тогда на Половецком поле
Всех нас даже птицы станут бить».

И сказали так Боян с Ходыной,
Те, что могут в песнях и былинах
Подвиги Олеговы сберечь,
Громкие победы Святослава,
Мудрые деянья Ярослава:
«Не жилища голова без плеч,
Тело обезглавленное — тоже,
Как и Русь без Игоря не может».
Должен князь ее покой стеречь.

Светит в небе ясное Светило.
Снова Игорь-князь в Отчизне милой.
На Дунае девицы поют.
Голоса их через море вьются,
В Киеве весельем отдаются.
По Подолу Игорь держит путь
К Пирогощей Матери Господней.
Села, грады веселы сегодня!

Спета песнь князьям великим старым.
Будем петь и молодым, удалым.
Время им стоять за Русь в борьбе!
Тебе, Игорь Святославич, — слава!
И буй туру Всеволоду — слава!
Владимир-княжич, — слава и тебе!

Будьте здоровы, кто на поле бранном
Бьет за Землю Русскую поганых!

Слава князю, слава и дружине
От времен минувших и донныне.
АМИНЬ.

2003 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Троян — языческий бог, символизирующий в «Слове» архаичное прошлое Руси.

Велес (Волос) — языческий бог, покровитель скотоводства и, очевидно, поэзии.

Див — мифическое существо, враждебное русичам.

Тмутараканский истукан — очевидно, речь идет о гигантских статуях, воздвигнутых божествам Санергу и Астарте в 4 в. до н. э. на Таманском п-ве.

Паволоки — шелковые ткани.

Оксамиты — ткани типа бархата и парчи.

Стрибог — языческий бог ветра.

Даждьбог(бог Солнца) — один из главнейших богов славян.

Даждьбожьи внуки — русичи.

Дева — Обида — злое божество, враждебное русичам, олицетворяет вражду, распри. Изображается в виде девушки с птичьими крыльями.

Карна — оплакивающая умерших(жрица смерти).
Желя — вестница мертвых, разносящая весть и погребальный пепел.

Бела — мелкая монета, равная по цене беличьей шкурке.

Болонь — низина, заливной луг.

Гунны — в «Слове» символизируют все враждебные русичам племена.

Бус — один из князей древних славян-антов.

Шарухан — половецкий хан, наголову разбитый Владимиром Мономахом.

Татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы — прозвища отрядов тюркских воинов, служащих Руси.

Гривна серебра (200 граммов серебра) = 4 гривнам

78 кун.

Гривна кун = 20 ногатам = 100 резанам.

Шереширы — метательные снаряды для катапульта в виде железных трубок, начиненных горячей смесью.

Деремелы, ятвиги, литвины — прибалтийские племена, постоянно воевавшие с Русью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3.

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве (перевод).

Стеллецкий В. И. Слово о полку Игореве (древнерусский текст, переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. Заболоцкого, В. И. Стеллецкого, Л. И. Тимофеева).

Переводы повестей о походе Игоря по Ипатьевской летописи...

